

04 октября 2019

Солнце еще высоко. Что не так с мечтами о четырехдневной рабочей неделе?

Российские власти активно обсуждают переход на четырехдневную рабочую неделю. С такой инициативой выступил минувшим летом премьер-министр Дмитрий Медведев. Позже он неоднократно повторял эту идею, а также поручил Минтруду представить в правительстве свою позицию. 1 октября Минтруд заявил, что «данный вопрос требует дальнейшего изучения». Готова ли страна воплотить в жизнь мечты премьер-министра?

Пятый лишний?

«Я напомним, что Генри Форд сто лет назад решился на сокращение рабочей недели с 48 до 40 часов и получил впечатляющий рост производительности труда», – заявил премьер-министр на 108-й сессии Международной организации труда в Женеве. С одной стороны, Медведев прав, говоря о том, что в мире постепенно сокращается продолжительность рабочей недели. До Генри Форда американские рабочие трудились в среднем по 14 часов в день, так что его инициатива действительно казалась фантастической, однако уже после Второй мировой войны 40-часовая рабочая неделя стала нормой для многих развитых стран.

Сейчас отдельные страны пошли еще дальше – например, в Нидерландах официальная рабочая неделя длится 38 часов, а во Франции – и вовсе 35. С другой стороны, можем ли мы следовать примеру этих государств и даже опережать их?

Большинство стран мира, сделавших трудовую неделю меньше 40 часов, все же распределяют это время по-прежнему между пятью рабочими днями, просто сокращая длину каждого из них. «В этом есть определенный смысл: человек действительно более продуктивен в первой половине дня, и к седьмому или восьмому часу его производительность сильно снижается», – говорит **председатель совета директоров IT-компании «КОРУС Консалтинг» Александр Семенов**. Но главная причина все же в том, что, чтобы оставить для работы лишь четыре дня, следует сократить рабочую неделю сразу на восемь часов, до 32 часов. А это очень и очень много. И такое смелое решение стоит очень дорого.

Раньше было хуже

В России первый закон, ограничивающий рабочее время на заводах и фабриках, был принят в 1897 году и вводил рабочий день в 11,5 часа для мужчин и 10-часовой для женщин и детей при шестидневной рабочей неделе. Отпуск не предусматривался, сверхурочные не оплачивались. В первые же дни после Октябрьской революции, 11 ноября (по новому стилю) 1917 года вышел декрет «О восьмичасовом рабочем дне», устанавливающий, что рабочее время не должно превышать восемь часов в день и 48 часов в неделю. В последующие годы было много всяких изменений, которые закончились законом РСФСР от 19 апреля 1991 года «О повышении

социальных гарантий для трудящихся», ограничивающим продолжительность рабочего времени 40 часами в неделю. Однако на одной из инициатив советского периода хотелось бы остановиться подробнее. В 1960 году был принят закон СССР «О завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день». В нем есть удивительные слова: «Решениями XXI съезда КПСС намечено завершить в 1960 году перевод рабочих и служащих на семичасовой рабочий день, а рабочих ведущих профессий, занятых на подземных работах, – на шестичасовой рабочий день, полностью осуществить в 1962 году перевод рабочих и служащих на 40-часовую рабочую неделю и с 1964 года приступить к постепенному переводу их на 30-35-часовую рабочую неделю. В результате этого в СССР будет самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя, что является величайшим завоеванием советского народа, отражающим коренные преимущества социалистического общества». Но что-то пошло не так.

«Если сократить рабочую неделю на один день, то экономика недосчитается, соответственно, приблизительно 20%, то есть около 20 триллионов рублей, а бюджет – около 2 триллионов рублей, – приводит расчеты аналитик управления операций на российском фондовом рынке ИК «Фридом Финанс» Александр Осин, обращая внимание на то, что ВВП РФ в 2018 году составил 103,876 трлн рублей, а доходы бюджета РФ – 19,455 трлн рублей. Можем ли мы себе это позволить?»

«Сокращение продолжительности рабочей недели противоречит и заявленной цели повышения объема ВВП», – считает профессор кафедры

труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС Александр Щербаков. Соглашается с ним и директор по стратегическому развитию и учредитель компании Oberon Елена Буянова: «С учетом текущей геополитической и экономической ситуации важной для нашей страны целью является вхождение в топ-5 крупнейших экономик мира. Посмотрите указ президента от 7 мая 2018 года № 204 о том, что темпы роста экономики страны ежегодно должны составлять около 3%. Для этого необходимы существенное увеличение темпов роста ВВП и производительности труда. По моему мнению, сокращение рабочей недели нам в достижении стратегических целей никак не поможет».

Не до стресса

Правда, у Медведева есть на это готовый ответ. Он приводит в пример некую новозеландскую компанию, работники которой перешли на четырехдневную рабочую неделю, но при этом производительность труда у них выросла примерно на 20%, потому что у сотрудников уменьшился стресс. Получается, что, избавившись от стресса, они компенсировали ударным трудом потерю одного рабочего дня.

Казалось бы, при чем тут Россия? Стресс, конечно, влияет на производительность всех людей, включая россиян, и мы уже писали об этом. Но корректно ли применять новозеландский опыт к России? Краткий ответ: нет. Наглядное доказательство – наш же календарь. «Производительность труда в РФ не растет значимым образом за счет сокращения рабочего месяца, – поясняет эксперт. – Кварталы, на которые приходятся длинные выходные – и, соответственно, существенно сокращается рабочее время, – не

являются стабильными лидерами прироста с точки зрения динамики ВВП».

Увеличивать производительность труда за счет снижения стресса – это все же привилегия тех стран, где все другие способы нарастить производительность уже использовали. Взять того же Генри Форда. Из фразы Медведева следует, что производительность на его заводах повысилась после того, как была сокращена рабочая неделя. А на самом деле все было наоборот. Генри Форд смог революционно снизить рабочее время, потому что перед этим так же революционно поднял производительность труда, используя два инструмента. Во-первых, он первым в автомобильной промышленности стал использовать сборочный конвейер, сократив время сборки автомобиля в шесть и более раз. А во-вторых, он резко повысил заработную плату (а заодно и требования к рабочим), что позволило ему собрать лучшие кадры страны.

«Все большему числу стран удастся сокращать рабочее время граждан без ущерба для национальной экономики лишь за счет традиционно высокой производительности труда, – говорит Елена Буянова. – В нашей стране этот показатель существенно ниже: согласно исследованиям Организации экономического сотрудничества и развития, показатель России составляет 26,5 доллара в час, а европейских лидеров по производительности труда – 99,5 доллара в час у Ирландии, 98,5 доллара в час у Люксембурга (конечно, стоит делать поправку на стоимость национальной валюты)». В общем, то, что позволено Юпитеру...

Можно было бы, конечно, попробовать догнать и перегнать, но надо смотреть правде в глаза: у нас не только низкая производительность труда, но и растет она крайне низкими темпами. «Ежегодный прирост производительности

труда в РФ, по данным Росстата и Минэкономразвития, с 2015 по 2018 год составлял менее 1%, – указывает Осин. – И этот показатель стабилен. Внутренние экономические условия в РФ не позволяют экономике ускориться даже при крайне благоприятной ситуации на финансовых и сырьевых рынках, доминировавшей в 2016 – начале 2019 года. Тем более они не позволяют это сделать сейчас на фоне циклического ослабления глобального спроса».

Что же нам следует делать для роста производительности перед тем, как мы сможем перейти к самой приятной части – повышению ее за счет дополнительного выходного? Примерно то же, что делал Форд сто лет назад.

Надо строить роботов

«Причинами низкой производительности, как правило, являются неэффективная организация процессов, низкий уровень автоматизации, неэффективная система мотивации персонала и недостаточный контроль. Типовые проблемы и их решения будут специфичны для каждой отрасли, но обозначенные выше корневые причины общие, – обращает внимание руководитель группы стратегического и операционного консультирования KPMG в России и СНГ Елена Устюгова. – По нашему опыту, стандартизация и реинжиниринг бизнес-процессов дают возможность снизить трудозатраты на выполнение процесса на 20-30%. Если говорить об автоматизации, то во многих компаниях не внедрены в полном объеме такие базовые системы, как CRM, системы управления производством, часто низкий уровень автоматизации отчетности».

Автоматизация и цифровизация труда, а также выстраивание системы обучения и переобучения людей с фокусом на новые потребности – главные резервы повышения производительности труда, по мнению HR-директора Orange Business Services Россия и СНГ Елены Обертинюк. «Но для этого процесса необходимо время, – говорит эксперт. – Для автоматизации и цифровизации нужна обновленная инфраструктура на многих промышленных предприятиях и в организациях в самых разных сферах. Для цифровизации производственных отраслей требуется скоростная связь (развертывание сетей 5G), Интернет вещей и другие технологии, которые позволяют делегировать рутинные задачи машинам». Соглашается с этим и **Александр Семенов**: «Даже автоматизация и роботизация, которые должны высвободить наше время, на данном этапе требуют слишком много вложений, квалификации и усилий со стороны людей. Да и самих роботов людям еще предстоит создать».

Помимо автоматизации есть и другие причины. «Сдерживающими производительность труда факторами в нашей экономике останутся низкий уровень монетизации и сравнительно высокая налоговая нагрузка на производство», – считает Александр Осин.

Однако рациональное зерно в рассуждениях Медведева есть.

Работать головой или восемь часов?

«Одна новозеландская фирма», которую упоминает премьер-министр, – это компания Perpetual Guardian, которая занимается управлением состояниями и наследством, трастами, инвестициями. В прошлом году они действительно

перешли на четырехдневную рабочую неделю после того, как эксперимент длиной несколько месяцев показал впечатляющие результаты: стресс снизился, а лояльность к компании и производительность труда резко выросли. Не будем акцентировать внимание, что это результат одной лишь компании с численностью персонала менее 250 человек, который Медведев решил транслировать на всю страну. В этой истории есть два момента, которые стоит учитывать.

Во-первых, сотрудники Perpetual Guardian работают в офисе, а офис действительно дает возможность оптимизации рабочего времени. Сотрудники офисов в среднем теряют 14 часов в неделю на свои личные дела, пришли к выводам в международной медико-сервисной службе «Этнамед» на основании результатов собственного исследования.

«В топ-5 поводов отвлечься от работы вошли: постоянная проверка почты – этим занимаются 43% сотрудников, которые тратят в среднем 30 минут, досужие разговоры и чаепития с коллегами (40% сотрудников и 30 минут), соцсети и чтение новостей (30% и один час), разговоры по телефону и поиск в Сети информации для собственных нужд (20% и 40 минут), невозможность сосредоточиться и прокрастинация (10% и около одного часа), — перечисляет заместитель генерального директора компании Евгений Кан. – Кроме того, многие периодически отпрашиваются с работы – сходить к врачу, на утренник в детском саду, оформить какие-либо документы и так далее». При этом, считает Кан, последующая переработка и сидение допоздна в офисе не способствуют росту производительности.

Второй момент – это опять-таки специфика работы компании. «Для технических специалистов или людей творческих профессий переход на укороченную рабочую неделю может стать «глотком свежего воздуха», – говорит сооснователь и генеральный директор WhenSpeak Дмитрий Васильков. – Но профессии физического характера, например, охранники, водители, курьеры, следует считать практически непластичными. Вообще, существует такой парадокс: чем меньше человек зарабатывает, тем меньше выходных дней ему понадобится. Поэтому я уверен, что если даже низкооплачиваемые специалисты получают четырехдневную рабочую неделю, то они просто будут трудиться в двух местах».

Может, пусть они трудятся в одном? «Я был в Китае. Большинство людей там работает шесть дней в неделю по десять часов в день. Во всяком случае, в Шеньчжэне – торговой и IT-столице. И после этого понятно, почему они развиваются такими темпами», – комментирует директор по маркетингу CS-Cart (платформа для интернет-магазинов и онлайн-маркетплейсов) Павел Трубецков.

Работа может быть двух типов: «головой» и «руками», продолжает он. «Эффективность изобретательской деятельности совсем не всегда напрямую коррелирует с количеством отработанного времени, – говорит эксперт. – Зато работа руками – всегда».

«Так уж вышло, что большая часть изобретательской работы сосредоточена в Штатах и немного в Европе. Ну и Китай активно к себе хантит специалистов и развивается в этом направлении, – поясняет Трубецков. – Большая часть бизнеса в России – это или торговля, или не инновационное производство.

Количество «конечного продукта» напрямую зависит от количества отработанного времени. Большая часть бизнеса плохо автоматизирована, IT-системы внедрены формально, они реально держатся на ручном труде. От обязательного снижения рабочего времени в долгосрочной перспективе потеряют все: и работодатели, и работники».

Слишком бедные, чтобы отдыхать

Но, даже если бы политическая воля оказалась сильнее экономического расчета, есть еще один аргумент против введения сейчас в России четырехдневной рабочей недели. Да, такое распределение рабочего и личного времени кажется оптимальным и позволяет жить более насыщенно и осмысленно. Но только если у вас есть на это деньги.

«Трудно быть уверенным, что такое перераспределение свободного времени не обострит у многих наемных работников ощущение нехватки, недостаточности своих реальных доходов, поскольку более планомерная, рекреационно содержательная организация более продолжительного досуга потребует и больших денежных затрат, – говорит Александр Щербаков. – Дешевый же, пусть и продолжительный, отдых вряд ли окажет достаточный и должный рекреационный эффект». С ним соглашается и Евгений Кан: «Чтобы в выходные хорошо и разнообразно проводить время, заниматься спортом, развиваться и уделять время хобби, необходим достаточный уровень доходов. Низкий доход части населения не позволит соблюсти это условие. Сидение перед телевизором три дня подряд и спиртное три вечера подряд вместо прежних двух за досуг можно не считать – это только подорвет здоровье и профессиональную эффективность. А если сокращенная рабочая

неделя приведет к уменьшению зарплат, для части населения качественный досуг и здоровое питание будут еще более недоступны».

А если нет денег, то что будет делать человек? Правильно, искать подработку. Дмитрию Медведеву следовало бы обратить внимание не на официальную продолжительность рабочей недели в той или иной стране, а на фактическую. А она практически везде превышает официальный уровень. В той же Франции, например, при формальных 35 часах в неделю средняя загрузка составляет 39 часов, приводит данные ОЭСР. А в Китае, где Трубецков видел 10-часовой рабочий день, официальная продолжительность рабочей недели составляет, как и у нас, 40 часов.

Перерабатывают и россияне: в той или иной степени 87% профессионалов работают больше 40 часов в неделю, каждый второй человек работает сверхурочно от трех до десяти часов в неделю. А у 9% переработки превышают 15 часов в неделю. При этом оплату за переработку получают лишь 12% россиян. Таковы результаты исследования, проведенного в прошлом году международной рекрутинговой компанией Hays. Похожие результаты получил в прошлом году и Институт социологии РАН: 56% россиян работают больше 40 часов, а средняя продолжительность недели в 2016 году составила 45,3 часа. Так не проще ли приложить усилия сначала к тому, чтобы сократить переработки или хотя бы добиться их обязательной оплаты?

Впрочем, практически никто из экспертов не воспринимает всерьез возможность реализации предложения сократить рабочую неделю в ближайшее время. Правда, на правительственном уровне к вопросу обещали вернуться в ноябре, в рамках работы Российской трехсторонней комиссии по

регулированию социально-трудовых отношений. В РТК входят три стороны: правительство, объединения профсоюзов и объединения работодателей. Посмотрим, что они скажут. Пока же эксперты склоняются к тому, что со временем мы придем к четырехдневной рабочей неделе. Все же общие тенденции по автоматизации труда (пусть даже и крайне замедленные в нашей стране) однажды позволят это сделать. Вопрос только во времени. Опрошенные «Банки.ру» эксперты называют разные сроки: от пяти до 40 лет. Министр труда Максим Топилин и вовсе говорит, что Россия будет готова к этому лишь через 50 лет.

В общем, четырехдневная рабочая неделя в России – это примерно как сады на Марсе. Однажды они там будут цвести, но не факт, что мы до этого доживем.

Источник: Banki.ru